

Иеромонах Серафим (Роуз)

Доклад на Зимней Свято-Германовской Молодежной Конференции 12/25 декабря 1979 г. в Св.-Троицком монастыре, Джорданвилл, шт. Нью-Йорк

Православие в Америке

Сегодня мы собрались здесь чтобы почтить память преподобного Германа, первого святого на американской земле, первого православного миссионера в Америке, который принес православную веру в Новый Свет. Совершая праздник в его честь, давайте посмотрим, какие всходы дали посеянные им семена истинной веры: как росло и развивалось Православие в Америке, в каком состоянии оно сегодня, и что ждет его – и нас, сегодняшних православных, – почти двести лет спустя.

Об истории Православие в Америке я скажу совсем коротко, чтобы основное внимание уделить нынешнему дню.

Американское Православие в Прошлом

Все началось, конечно, с миссии самого преп. Германа и других монахов-миссионеров из Валаамского и Коневецкого монастырей, которые прибыли на Аляску в 1794 г. Если вспомнить о том, что их было всего восемь человек, и о тех препятствиях, которые им пришлось преодолеть, то уму непостижимо как удалось им заложить твердые основы Православие на Аляске. Один из них, о. Иоасаф, был посвящен в епископы для распространение Православие в Америке, но он погиб на обратном пути из России, не успев даже приступить к своим обязанностям. Священников на Аляске было очень мало, преп. Герман не был священником, а местные русские власти не очень-то беспокоились, – но в те годы крещены были тысячи местных жителей, и их потомки донине твердо хранят Православие. Сам преп. Герман – его монашеский подвиг, проповедь, забота об осиротевших детях, – был для Америки первым примером православной веры и благочестия, всего того, чем жила Святая Русь. И в этом – первый урок сегодняшнему дню, урок живого личного примера православной жизни.

Другим знаменитым православным миссионером был святитель Иннокентий. Его священничество и епископство – образец для православного миссионера: он переводил Евангелие на местные языки, заботился и о земной, и о духовной жизни своих людей на необъятных просторах Аляски и Алеутских островов. Позже, став уже Митрополитом Московским, он поддерживал миссионерство и в других краях.

В 1867 г. Аляска была продана Соединенным Штатам; хотя правительство России продолжало поддержку православных на Аляске, епархию перенесли в Сан-Франциско, и впервые началась миссионерская работа на английском языке. Выдающимся миссионером начала нынешнего столетия в Сан-Франциско был архимандрит Севастиан Дабович, родом серб. Он умер в Югославии в 1940 году; его книги о Православии до сих пор издаются по-английски. Епископ Тихон (будущий Патриарх Московский) тоже всячески поддерживал миссионерство среди американцев; кроме того, как и другие русские архиереи, он создавал миссии и среди иммигрантов из Сирии, из Сербии, и пр.

Но уже в те времена стали проявляться слабости американского Православия. Америка – огромная страна, где православное население разбросано лишь небольшими островками; духовенство рассредоточено еще более, но что важнее всего – не было больше таких святых подвижников, как преп. Герман, кто бы сам, из первых рук, мог насаждать семена святости в американской почве. Далее, американцы коренным образом отличались от простосердечных алеутов, и почти все они уже принадлежали к тем или иным христианским вероисповеданиям. Все это послужило причиной ужасной болезни, зародившейся еще до 1917 г. и ясно видимой сегодня в православной Америке, – болезни обмирщения. Снаружи православное духовенство стало все более и более напоминать обычных протестантских проповедников; изнутри забота была главным образом о замещении вакантных должностей на приходах, а об укреплении веры прихожан, о публикации православной литературы по-английски, об открытии для неправославного мира, все еще способного слышать и видеть, неслыханного и невиданного на Западе сокровища истинного христианства, святой православной веры, – об этом речи не было.

Революция 1917 г. нанесла православному миссионерству страшный удар: пресеклась помощь из России, единая Церковь в Америке распалась на этнические юрисдикции, и духовенство осталось без помощи перед напором окружающего неправославного мира. Когда архиеп. Виталий в 30-х г.г. прибыл в США в качестве правящего архиерея, он обнаружил, что американскому Православию грозит превращение в "протестантизм восточного обряда": сохраняя кое-какие внешние признаки, по существу стать еще одной типичной для Америки протестантской церковной группой.

После Второй Мировой войны, когда в Америке появилась новая волна русских иммигрантов, и основанное архиеп. Виталием Братство преп. Иова Почаевского переселилось из Чехословакии в Джорданвилл, впервые за все наше столетие возникла сила противодействие всеобщему обмирщению. Но их влияние в основном ограничивалось Русской Зарубежной Церковью; другие юрисдикции сохраняли по преимуществу все то же мирское направление, отдаляясь от нас все более и более.

Стоит зайти в любую церковь такой модернизированной юрисдикции чтобы увидеть, куда это направление привело: скамьи (по образцу современных западных церквей – пер.), нередко органы, сокращенные службы подчас с добавкой театральных эффектов, всевозможные уловки для стимуляции пожертвований, причем сплошь и рядом главное внимание – не духовной, а национальной стороне, включая и новейшую форму национализма: американизм.

Храмы нашей Зарубежной Церкви совсем другие: здесь вы не увидите ни скамей, ни органа; здесь чувствуется стремление следовать старинным образцам в иконографии и в декоративном искусстве; здесь благолепие прошлого. Влияние православной традиции видно и в одежде нашего духовенства, и даже в обычае носить бороду. Чтобы православный священник не брил бороду, или носил на улице рясу, еще лет тридцать назад было в Америке почти немыслимо; и хотя это все внешняя форма, малозначительная на первый взгляд, она оказывает серьезное воздействие на склад ума и души. Теперь же мы видим, что кое-кто из духовенства других юрисдикций, возвращаясь к православным корням, тоже начинает носить рясы и бороды; по их собственным словам, они делают это под влиянием Русской Зарубежной Церкви, в которой они видят образец истинного Православия.

Наша с вами задача, однако, взглянуть глубже этих внешних особенностей и определить место нашего Православия в сегодняшней Америке, больше того – найти путь к укреплению, очищению нашего Православия, к тому вечному образцу, который когда-то оставил нам преп. Герман.

А для этого нам необходимо прежде всего знать, кто наш главный враг: это, конечно, дьявол. Его цель – сбить нас с пути; его самое верное средство на сегодняшний день – дух обмирщения. Именно этим оружием подточено и ослаблено американское Православие, причем вовсе не только в других юрисдикциях. Дух обмирщения – в самом воздухе, которым мы дышим; от него не укрыться. Смотрим ли мы телевизор, едем ли за покупками, идем ли по улице, – всюду он нас настигает. Во многих больших магазинах, к примеру, непрерывно звучит особого рода "музыка", бессвязный, беззаботный, навязчивый набор звуков, не дающий сосредоточиться и подумать о чем-нибудь серьезном. (Еще пару лет назад под Рождество кое-где она сменялась рождественскими мелодиями: сколь бы избитыми и примитивными они ни казались, контраст был ошеломляющим. Сегодня, кажется, с такими вольностями покончено. – пер.)

Вся наша Церковь, и каждый из нас в отдельности, находится под ударом. От него не укрыться ни в больших городах, в кругу близких людей, ни в отдаленных поселках: все это лишь ослабляет внешние влияния, но без внутренней духовной борьбы мы безусловно обречены на поражение. Поэтому перед православными Америки – да и всего мира, конечно, – стоит главный

вопрос: как сохранить и вырастить Православие наперекор всепроникающему духу обмирщения?

А чтобы на него ответить, давайте зададим другой вопрос, на первый взгляд несколько неожиданный: что такое Православие? Но ведь если у нас нет на него четкого ответа, то мы не поймем, что же именно нам надлежит сохранять и растить. Итак:

Что Такое Православие?

Вряд ли удастся определить Православие лучше чем св. Тихон Задонский, русский святитель 18-го века. (Как нам не хватает сегодня его пламенного сердца! Нужно больше читать его – и следовать его словам.) Св. Тихон называл Православие Истинным Христианством и даже написал целую книгу под таким заглавием. Но "истинное христианство" – это отнюдь не только правильные взгляды и суждения: сами по себе они вам не помогут. В главе о Евангелии и вере св. Тихон пишет:

"Аще бы кто сказал, что истинная вера есть правое содержание и исповедание правых догматов, правду бы сказал: ибо верному неотменно нужно есть православное содержание и исповедание догматов веры. Но сие единое знание и исповедание не делает человека верным и истинным христианином. Содержание и исповедание православных догматов всегда заключается в истинной во Христа вере, но истинная вера во Христа не всегда заключается во исповедании православных догматов..."

Знание правых догматов имеется в разуме; оно часто бывает бесплодно, надменно и возносливо... Истинная же во Христа вера есть в сердце; она плодovitа, смиренна, терпелива, любвеобильна, милосердна, человеколюбива, алчущая и жаждущая правды, от мирских похотей удаляется и единому Богу прилепляется, всегда к небесным и вечным стремится и ищет их, подвизается противу всякого греха и от Бога помощи непрестанно ищет".

Далее св. Тихон цитирует бл. Августина: "Вера с любовью – вера христиан; вера без любви – вера демонов" (гл. 287). Апостол Иаков напоминает нам в своем Послании, что "и бесы веруют, и трепещут". (Иак. 3:19)

Таким образом св. Тихон намечает основные вехи на подходе к Православию: это нечто живое и горячее (а не абстрактно-холодное), что относится к сердцу (а не только к разуму) и постигается всей жизнью (а не только изучением).

Каждого, кто всерьез принимает Православие, кто начинает восхождение к нему у себя в сердце, кто берется за работу над собой, – того непременно можно отличить, так сказать, по аромату истинного христианства: он не похож на тех, кто живет одними интересами мира. Преп. Макарий Великий, египетский пустынный 4-го в., пишет в своих "Духовных Беседах":

"У христиан – свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное – христиане, иное – миролюбцы; между теми и другими расстояние велико... Поелику ум и разумение христиан всегда заняты мудрствованием о небесном, по общению и причастию Св. Духа созерцают вечные блага... У христиан другой есть мир, иная трапеза, иные одеяния, иное наслаждение, иное общение, иной образ мыслей" (Беседа 5, 1, 20)

Ниже я скажу пару слов о том, как православные должны усваивать этот иной мир и образ мыслей. Православие, истинное христианство, это не просто еще одно вероисповедание: это образ жизни, это жизненный путь, который отличает нас от мира и который полностью зависит от наполнения нашей повседневной жизни вечным, небесным содержанием.

Если ты православный и не отличаешься от мира – дело плохо: уж лучше бы ты не был православным. Нет горше зрелища чем те, кто владея сокровищем истинной веры, – сокровищем, которое в наши дни ищут и не могут найти столь многие, – не знает ему цены, не имеет для него применения.

Расскажу вам об одной протестантской общине неподалеку от нашего монастыря в северной Калифорнии. Мне думается, что это пример для нас, или даже предупреждение, а более всего – напоминание о нашем долге и ответственности за то, что нам вручено истинное христианство.

У этой общины – простая и теплая христианская вера, без типичной сектантской ограниченности. В отличие от многих, у них нет доктрины о том, что они "спасены" и поэтому "свободны"; они верят в необходимость духовной борьбы и совершенствования. Они принуждают себя прощать друг друга и забывать обиды; они принимают к себе бродяг и нищих, и устроили для них специальную ферму, где их учат трудовым навыкам и ответственности. Иными словами, христианство для них – смысл и содержание всей их жизни. У них нет полноты Православия, но в том, что у них есть, они на верном пути: это добрые, любящие и боголюбивые люди. Мы должны следовать их примеру и превзойти их.

Приведет ли их такое христианство к спасению – ведомо Богу, а не нам: далеко не все в их жизни и вере согласно с тем, что передано истинной Православной Церкви от Христа и Его Апостолов. Но в любом случае они напоминают нам о нашем наследии. Ведь, случается, наша молодежь, не зная об истинном сокровище Православия, уходит в такие протестантские группы, а то и гораздо дальше: среди девятистот жертв Джоунстауна (популярная секта "Нового Века" совершила массовое самоубийство в Южной Америке в 1978 г. – пер.) была дочка греческого православного священника.

Я говорю вам об этих протестантах чтобы напомнить, во-первых, о том, как легко теряется духовное наследие, если не знать или забыть про него, а во-

вторых и в главных, о том истинном христианстве, которое есть у нас и отсутствует у них. Ведь не только наша молодежь уходит к ним: многие из них переходят в Православие. И что же в этом удивительного, спрашивается? Всякий, кто любит истину и всерьез ищет ее, должен увидеть посреди нас нечто говорящее о сокровище истинного христианства.

У нас в монастыре мы крестили несколько человек из той общины; в Церковь их зовет благодать, зовут святые Таинства, присутствие которых они чувствуют в Православии. А став православными, и оглядываясь назад, они уже видят протестантизм совсем в ином свете: все то, что прежде виделось им таким живым и реальным, теперь оказывается довольно-таки пустым и поверхностным. Там им дают практические уроки на евангельском материале, которые скоро исчерпываются и начинают повторяться; здесь они обнаруживают неисчерпаемую глубину христианского духовного опыта, недоступную даже самым серьезным инославным верующим. Сокровище Православие поручено нам, и мы обязаны научиться лучше его использовать. Это вопрос жизни и смерти – духовной жизни или духовной смерти – как для нас самих, так для тех, кто вокруг нас еще способен услышать голос истинной веры.

Только что из окна вагона я оглядел всю Америку, весь ее неохватный простор и разнообразие. И мне вспомнилось, как преп. Серафим видел просторы русской земли, над которой словно кафельный дым поднимались к небу молитвы верующих. Тут, наверное, кто-нибудь запротестует: "Типичные фантазии новообращенного! Америка – это Америка, страна протестантов и безбожников. Православных здесь ничтожное меньшинство, мы замкнуты в себе и не имеем ни малейшего влияния на жизнь страны". Что ж, я вовсе не говорю, что мы "обратим" Америку: это было бы слишком самонадеянно. Но ведь и сам преп. Герман думал о том же. После первого "миссионерского съезда" на американской земле, когда монахи распределяли между собой территорию Аляски и спорили, кому достанется больше трудов, он написал в письме, что чувствовал, будто находится среди Апостолов, распределяющих для проповеди всю тогдашнюю вселенную.

Однако совсем не нужно обращаться к таким возвышенным образам чтобы увидеть, как молитвы могут вознестись к Господу и над Америкой. Достаточно нам самим – православным христианам – вспомнить, кто мы такие, всерьез отнестись к нашей вере и саму нашу жизнь сделать истинно христианской. Тогда мы станем отличаться от других, окружающие заметят это, заинтересуются, почему мы не такие как все, и найдут у нас ответ на неразрешимые, как им казалось, вопросы.

В поезде у меня было несколько интересных встреч и разговоров о Православии. Я, конечно же, не раздавал брошюр по вагонам, но сам мой вид – в рясе, с крестом и с бородой – привлекал внимание. Сплошь и рядом это было праздное любопытство, что, впрочем, типично для сегодняшнего отношение к

православным в Америке: маленький мальчик был убежден, что я Дед-Мороз, а какая-то женщина назвала меня "Аятоллой" (в это время происходила революция в Иране. – пер.) Еще я повстречал несколько человек, которые должны были быть православными: женщину замужем за греком, и еще мужчину, женатого на гречанке, причем ни муж, ни жена не православные потому, что предки жены перешли в лютеранство "чтобы быть как все": еще одна православная семья стала жертвой обмирщения.

Но были и плодотворные встречи. Я рассказывал людям о Православии (о котором им до сих пор не приходилось слышать), поделился несколькими номерами нашего журнала. Вот одна из историй, особенно трогательная для православного сердца.

В тот день мы проезжали штат Вайоминг – пустую, промерзшую равнину, только стада антилоп там и тут, – и я разговорился с серьезным молодым человеком. Он обнаружил, что "харизматическое" христианство – не от Бога, и теперь повсюду искал истину. Успев уже разочароваться в римском католицизме и различных протестантских исповеданиях, он взялся учить русский язык чтобы поехать в Россию и послушать, что скажут те, кто страдает за веру. "Уж там-то, наверное, всерьез", – надеялся он, видя кругом столько религиозного лицемерия. Он подробно расспрашивал меня обо всем, от православной догматики до обычаев и нравственного учения; потом прочитал главу о харизматическом движении из нашей книжки "Православие и Религия Будущего" и подтвердил, что она точно соответствует его собственному опыту, который он сам не умел выразить. Вот вам ситуация, когда Православие, истинная христианская вера, может буквально спасти человеческую душу, доведенную до отчаяния бессильным западным христианством. Посеяно еще одно семя; пускай не весь Вайоминг, но хоть кто-то здесь станет православным.

Снова и снова убеждаемся мы, что Православие, по определению св. Тихона, это и есть истинное христианство, необходимое сегодня как никогда. Это бесценное наше богатство не может лежать без дела. Совсем не обязательно ходить по домам, как "Свидетели Иеговы", или проповедовать на улицах. Наша вера найдет себе естественное внешнее выражение, коль скоро мы станем работать над ней, коль скоро мы предоставим ей возможность изменить нашу жизнь.

Вот что я услышал недавно от одного искренне верующего человека: "Православие – это истина, но она слишком сложна для нашего времени. Поэтому я мало с кем говорю о Православии". В этих словах есть зерно правды: Православие действительно гораздо сложнее западных вероисповеданий; но тем не менее каждый, в ком есть стремление к живой, требовательной вере, способен принять его. Так что надо гуще сеять, чтобы был богаче урожай. Но прежде всего надо обратиться к своей собственной жизни и в самом центре ее поставить и укрепить истинную православную веру.

Вглубь Православия

Как этого добиться? В какой-то мере ответ известен каждому, кто не удаляется от Церкви и ее учения: ходи на службы, храни веру, причащайся Св. Даров, читай православные книги. Но, бывает, люди делают все это почти механически, не углубляясь в Православие.

Ходить в церковь и соблюдать внешнюю форму Православие – этого мало: надо еще ясно отдавать себе отчет во всем, что бы вы не делали. Если вам приходилось говорить с протестантами или атеистами, которые всерьез хотят узнать о православной вере и обычаях, вы согласитесь с тем, как это важно. Ведь отвечая на их вопросы, вы можете хотя бы слегка приоткрыть им глубину Православие и тем самым, по существу, спасти их души. Почему вы осеняете себя знаком Креста? Почему вы молитесь святым? Почему у вас в церкви стоят, или кланяются до земли? Почему у вас всегда поют "Господи, помилуй"? Что такое Причастие? Почему вы рассказываете о своих грехах священнику? Особенно в наши дни, когда вокруг нас столько не знакомых с истиной, но упорно ищущих ее людей, нельзя допускать, чтобы все это происходило просто по привычке: мы должны уметь, по словам Ап. Петра, дать отчет обо всем, во что мы верим и что делаем. Задавайте вопросы, читайте, разбирайтесь в церковных службах по книгам, – тем или иным путем, но углубляйте свои знания.

Далее, недостаточно изучать Православие: необходимо буквально пропитываться им. Преп. Серафим учил, что христианин должен "весь как бы погружаться в Закон Божий"; это требует от нас гораздо большего, чем думают некоторые. Но нельзя, конечно, хвататься за все сразу. Если вы ходите в церковь по воскресеньям, начинайте бывать на всенощной по субботам и в канун праздников; если вы поститесь Великим постом – постарайтесь попасть на замечательные великопостные службы – литургию Преждеосвященных Даров, Андреев канон, Похвалу Пресвятой Богородицы.

И еще очень важная вещь: надо читать. Иоанн Златоуст говорит даже, что без чтения духовных книг невозможно спастись. Почему так? Все дело, опять-таки, в мощном влиянии мира, которому мы бессознательно подвергаемся день за днем и час за часом: мы неминуемо поддадимся ему, если не будем сознательно сопротивляться, наполнять свой разум и сердце христианскими образами. Для этого есть множество книг, и по-русски, и по-английски. Прежде всего, конечно, Священное Писание и его православные толкователи. Далее, житие святых и современных подвижников; "Моя жизнь во Христе" прав. Иоанна Кронштадтского; "Невидимая Брань" в изложении Никодима Святогорца и Феофана Затворника; "Душеполезные Поучения" Аввы Дорофея; "Духовные Беседы" Макария Великого; богослужебные книги, все в большем числе выходящие по-английски; "Лавсаик" с житиями пустынножителей,

чьи слова звучат сегодня так же свежо и верно, как и полторы тысячи лет назад; жизнеописание новомучеников России; "Единое на потребу" архиеп. Андрея (Рымаренко). Все эти книги, и множество других, вы можете купить в монастырском книжном магазине. Они вносят изумительную ясность в душу каждого, в ком есть хоть искра живой веры: они раскрывают дверь навстречу свежему ветру невидимого мира, без которого душа чахнет и гибнет.

Но, разумеется, стержень углубление веры – это целительные средства церковного покаяния и святой Евхаристии, которые вы должны принимать во всей возможной полноте, как рекомендует вам священник. А вместе с ними – и каждодневные проявления христианской любви: пожертвование на церковные нужды, помощь больным и бедным. Если вслед за вашими добрыми делами идет и сердце, то они помогут вам защититься от обмирщения, подняться над этим временным миром к Небесному Царству.

Есть, конечно, и обратная сторона у нашего движение вглубь Православия: чего надо избегать, чему сопротивляться. Когда невидимая брань станет для вас реальностью, когда вы убедитесь в том, что христианство у вас в душе терпит непрестанные удары невидимых врагов, особенно через дух обмирщения, вам станет ясно, с чем именно в вашей жизни никак нельзя мириться и с чем надлежит бороться в первую очередь. Но эта борьба сильно облегчается всеми благодатными, вдохновляющими элементами христианской жизни, о которых мы говорили выше. Мы не имеем права забывать, что окружающий нас мир в значительной мере подчинен дьяволу, "князю мира сего", и что его главное оружие против нас – это наше пристрастие к земному. Но если мы остаемся православными и не отступаем в борьбе, мы получаем от Бога Его благодать, которая только и способна оторвать нас от земли и поднять в небо.

Некоторые Предостережения

Теперь давайте поговорим об опасностях, подстерегающих нас на пути к живой и глубокой православной вере. Слушая наши разговоры, можно было бы подумать, что достаточно разгореться ревностью о Православии, как дело сделано: ты уже в Царствии Небесном. Но, к сожалению, у нас есть противник – дьявол; стоит нам сделать шаг – и он тут как тут. Я расскажу о трех направлениях, откуда можно ждать его удара; это поможет к тому же лучше понять, что такое истинное христианство.

Первая опасность подстерегает того, кто начинает читать православные книги, увлекается ими, но ошибается в применении прочтенного к своей собственной жизни. Св. Игнатий Брянчанинов (которого вместе со св. Феофаном Затворником можно назвать путеводной звездой для нынешнего века) написал книгу под заглавием "Приношение современному монашеству": к его словам должен прислушаться каждый православный нашего времени. Он

предостерегает неопытных читателей от излишнего увлечения примерами из жизни святых отцов и подвижников: иначе, пишет он, "несбыточная мечта о совершенстве" затмит, заслонит собой скромные задачи повседневной христианской жизни (гл. 10).

Это крайне распространенный недуг. Мы думаем об отшельническом подвиге, а рядом, прямо перед носом, кто-то попал в беду, но чтобы помочь – это в голову не приходит. Или же "с позиции возвышенного христианства" начинаем поносить других, забывая о христианской любви и доброте, без которых всей нашей "возвышенности" грош цена. Необходимо научиться на опыте как применять святоотеческое учение и само Св. Писание к нашему уровню и практическим обстоятельствам. Духовная жизнь – не теория, не алгоритм. Все, что мы узнаем в Православии, должно войти, вращаться в нашу жизнь. Бывает, мы читаем об исихазме и Иисусовой молитве, с усердием произносим ее, – и остаемся по-прежнему слепыми к своим собственным страстям и глухими к нуждам ближнего, а ведь это надо было надежно усвоить прежде чем приступить к исихазму. Каждый должен читать книги по своим силам и уровню подготовки (те, что я перечислил выше, подходят для начинающих), читать без фантазий, со смирением, с ясным сознанием того, насколько мы сильно подвержены влиянию мира и насколько далеки от христианского совершенства.

Вторая болезнь современного Православия тесно связана с первой: это болезнь "сверх-правильности". В какой-то мере это естественная реакция всех тех, у кого только что открылись глаза на христианскую веру и духовную жизнь: чем больше они узнают о православном учении и обычаях, тем яснее им становятся заблуждение и ошибки их прошлой жизни, и тем сильнее желание исправиться. Это, разумеется, похвально, хотя поначалу одолевает формализм и возникает множество новых ошибок из-за гордости (которую всем нам так трудно в себе обнаружить). Но если вы твердо уверены в своей собственной правоте и постоянно поправляете других, если вы направо и налево цитируете каноны в доказательство чужих нарушений, если неизменно оказывается, что вы все знаете лучше других – вы заразились вирусом "сверх-правильности". По этим симптомам распознается духовная незрелость, и в нормальных условиях они проходят сами собой по мере духовного роста.

К сожалению, однако, в наше время, когда дух обмирщения отравляет даже церковную жизнь, многим грозит хроническая, неизлечимая форма "сверх-правильности". Теперь это уже не только болезнь новообращенных: епископ Киприан (ныне митрополит Оропосско-Филийский), один из достойнейших архиереев Греческой старостильной Церкви, свидетельствует о неисчислимом ущербе, который "сверх-правильность" причинила греческому Православию в виде нескончаемых ссор и расколов. Такие борцы за "православие" могут смело принять на свой счет замечание русской старушки об одном активисте из новообращенных американцев: "Православия-то у него хоть отбавляй, вот только христианства не видно..."

У "Православие без Христа" есть другое, более распространенное название: фарисейство. Для фарисея, с головой ушедшего в формализм, в букву церковных законов, исчезает связь с их животворящим духом, духом истинного христианства. Я не хотел бы критиковать никого в отдельности: все мы так или иначе страдаем от этой болезни. Моя цель – предупредить вас об опасности, предостеречь от потери контакта с бесценным сокровищем, которое Церковь сохранила для нашего спасения вплоть до нынешних зловещих времен.

Даже в умеренной, не самой злокачественной форме, дух "сверх-правильности" оказывается совершенно бесплодным. Приведу вам в пример одного нашего доброго знакомого, афонского монаха из числа так называемых зилотов. В целом, по сравнению с прочими, он далек от фанатизма: признает благодатность Св. Таинств православных церквей нового стиля, принимает благословение от нашего духовенства, и пр. Однако что касается основного зилотского принципа о литургическом общении, он соблюдает его совершенно неукоснительно, а именно: избегает общения не только с теми епископами, которые уклонились от православной истины (как, например, Константинопольский патриарх), и не только с теми, кто общается с ними, но также и со всеми теми, от кого так или иначе, через любое число промежуточных звеньев, можно протянуть к ним цепь общения. Тем самым, например, вся Русская Зарубежная Церковь в его глазах оказывается "зараженной" за счет случаев литургического общения с другими православными церквями; поскольку в наше время желаемая им степень "чистоты" практически недостижима, он состоит в общении только со своим священником и небольшой группой афонских монахов: вся остальная Православная Церковь по их мнению "загрязнена".

Что ж, быть может и вправду осталась на земле всего только горстка хранителей совершенно "строгого" и "чистого" Православия; но чтобы во всем мире было лишь с десятков православных христиан, с кем можно поддерживать единство веры и Св. Причастия – этого, безусловно, не может быть. Ясно как день, что это тупик: даже если разум и согласится с таким формальным Православием, верующее сердце никогда не примет его: в нем нет места подлинной христианской жизни. Нужно найти способы поменьше беспокоиться о "правильности" и побольше – о самой сущности Православия.

И в частности болезнь "сверх-правильности" тоже дает о себе знать. Хорошо, что мы предпочитаем иконы традиционных византийских образцов; но плохо, когда мы демонстрируем пренебрежение более современными иконами живописного стиля, которые еще сохранились у нас во многих церквях. То же самое должно быть сказано и о церковном пении, об архитектуре, о правилах поста, о коленопреклонении, и пр. Стараясь по возможности придерживаться принятых правил, мы обязаны помнить, что это внешние стороны Православия: они имеют смысл лишь тогда, когда за ними – дух истинного христианства, о котором говорит св. Тихон. Антихрист в повести Вл. Соловьева, чтобы привлечь к себе православных верующих, открывает музей христианских древностей. Не исключено, что и облик самого Антихриста (Откр. 13:14) будет

выдержан в строго традиционном византийском стиле: стоит поразмыслить над такой печальной возможностью.

И, наконец, третья опасность: о ней я упомяну лишь вкратце, потому что для нашей Церкви она, к счастью, не характерна. Речь идет о так называемом "харизматическом движении", претендующем на "стяжание Св. Духа" по той или иной протестантской методологии. Здесь столько надутого самодовольства, столько знакомых по православным источникам признаков духовного самообмана (прелести), что и говорить об этом не стоит: с Православием тут мало что найдешь общего.

Несколько Примеров Истинного Христианства

Разобравшись с этими предупреждениями, давайте возвратимся к нашей основной теме и посмотрим, что дает нам сегодня Русская Зарубежная Церковь чтобы мы могли лучше узнать, оценить, и употребить в дело наше сокровище Православия.

Путь распространения православной веры мы называем "традицией" – преданием. Это значит, она не просто усваивается из проповедей и книг; она передается – от отца к сыну, от старшего поколения к младшему, от одних верующих к другим, – в каждодневном молитвенном общении. Если мы постоянно общаемся с живыми носителями традиции, болезнь "сверх-правильность" нам уже не так страшна: традиция нас поправит. Но это не значит, конечно, что нужно принимать на веру все, что мы слышим от благочестивых с виду людей; в случае сомнений и разногласий надо обращаться за помощью к Отцам Церкви и всеобщему церковному преданию.

Некоторые из тех, кого принято называть носителями традиции, сообщают нам нечто особенно важное. Я упомяну из них лишь троих: двое, хорошо знакомые кое-кому из слушателей, уже умерли, третий пока жив. Все трое так или иначе связаны с Россией, с ее страданиями под ярмом богоборческой власти, и это, разумеется, не случайно.

Первый – владыка Андрей (Рымаренко), архиепископ Ново-Дивеевский; он умер в прошлом году, без остатка отдав Церкви свою долгую и плодотворную жизнь. Когда в России разразилась революция, он был совсем еще юношей, и ему пришлось переосмысливать свою молодую жизнь в новых условиях. Для чего жить, и к чему стремиться, если разрушены все основы нормального бытия? С детства он помнил тепло православной веры; теперь он снова стал искать ее, но не мог найти до тех пор, пока сам не убедился: нужно искать гораздо глубже, не минуя страданий по дороге к цели.

Достоевский углубил его мировоззрение; неправославная христианская группа показала ему пример горячей веры, но не заполнила пустоту в душе. Наконец, один священник раскрыл ему смысл, существо церковных служб и обрядов. Он

стал читать Отцов Церкви и ожил, вернулся к жизни из пропасти отчаяния. Вот тогда-то повстречались ему последние Оптиные старцы: Нектарий, который научил его, что истинное благочестие – это благая честь всему, что Богово, и Анатолий, который дал ему книжку св. Тихона "Об истинном христианстве" и велел жить по ней.

И с тех пор, где бы он ни был, – в Советской России, в Германии, в Америке, – повсюду целью его было создать среду той живой христианской веры, которая спасла его самого и могла спасти других. Он видел, что наша христианская жизнь в значительной мере поверхностна и теплохладна, и всегда старался пробудить в нас подлинную внутреннюю православную веру, горячую, с глубоким и точным смыслом. "Парниковое христианство", какое-то облако приятных ощущений вместо непрестанной борьбы и стремление к истине, было ему глубоко противно. Да и нам, новообращенным православным, тоже недалеко до такого "парникового христианства". Мы будем жить возле церкви, где хороший священник служит по-английски, ходить регулярно в церковь, принимать Св. Таинства, даже принадлежать к "правильной" юрисдикции – и все же оставаться холодными, бесчувственными, бесплодными, надменными, точно как сказал св. Тихон. Такими мы и останемся, раз у нас нет того жара, той готовности к борьбе, о которой говорил владыка Андрей. Как-то раз, только заподозрив одного молодого человека, что тот начал сползать в этом направлении, владыка схватил его за плечи и буквально начал трясти, со словами: "Не смей быть лицемером!"

Недавно вышедшая книжка "Возрождение православного образа жизни" подробнее расскажет вам про владыку Андрея и его православную философию: Православие – дело жизни и смерти, без полного напряжения всех сил души оно невозможно. Если Православие служит в качестве источника приятных ощущений – это не Православие.

Другой замечательный человек долгие годы жил прямо здесь, в Джорданвилле. Я говорю о философе Иване Михайловиче Андрееве. Подобно многим своим интеллигентным современникам, в годы революции он держался либеральных взглядов; лишь постепенно, лет за десять, возвратился он к Православию и открыл в нем для себя философию жизни, недоступную западным школам. Поездки в Саров, в Дивеево и в другие русские монастыри, как раз перед тем как большевики уничтожили их, укрепили, углубили его молодую веру. Потом, в страшные двадцатые и тридцатые годы, сделав свой выбор в пользу истины, он оставался в Катакомбной Церкви.

У Андреева был тонкий философский ум, но, что главное, у него было живое православное сердце, полное боли за всех тех, кто теряет веру, любовь к Богу и ближнему. Как-то в Нью-Йорке молодая мать зверски убила своего маленького ребенка; в статье под названием "Плачьте!" Андреев написал следующее:

"Все виноваты за каждого, и каждый – за всех... Пусть каждый подумает о себе... что вы делали в тот вечер, когда совершилось это невыносимое, но вполне реальное зло? Может статься, это ваш грех, ваша безнравственность или злоба оказалась той последней каплей, которая переполнила чашу зла. Именно так мы обязаны думать, если мы хотим быть христианами... Плачьте, братья и сестры! И не стыдитесь своих слез... чтобы они стали для вас источником противоположной энергии, энергии добра, которая противодействует энергии зла... и пробудили многих равнодушных".

Андреев доказывает нам, что без живого сострадательного сердца мы не имеем права называться христианами.

Наконец, третье имя – о. Дмитрий Дудко, который живет в России. Он родился уже после революции; к Богу привели его мучительные годы большевицкого атеизма и восьмилетний лагерный срок. Последние его выступления с особенной силой поддерживают нас, православных за пределами России. Пускай мы расходимся с ним по ряду богословских вопросов, но сердцем своим он полностью наш, полностью православный. У о. Дмитрия – то же горячее сострадание, которого Андреев не смог найти на Западе; та же целеустремленность в духовной борьбе, которую проповедовал Владыка Андрей. Однажды, во время беседы после всенощной, как записано в его книге "Наша надежда", кто-то спросил о. Дмитрия: "Скажите, христианство на Западе, в свободном мире, не лучше ли оно нашего, русского?" "Нет, – ответил он, – там христианство с комфортом, от него много не жди. В России, где мученики, где страдания, – тут и Воскресение, тут и новая жизнь."

Если вдуматься в слова таких учителей Православия, как вл. Андрей, профессор Андреев, или о. Дмитрий, может показаться, что наше дело совсем безнадежно: слишком уж мы изнежены, расслаблены, невнимательны, поверхностны... Что ж, в некотором смысле даже полезно так думать: по крайней мере есть шанс проснуться и подняться в бой. Эти горящие души протрубили для нас тревогу.

В Ответе за Дар Свободы

Мы живем в благодатных условиях мира и свободы, и это опасно для нас. Вокруг нас – сокровища Святого Православия, спасительные сокровища, каких нигде больше нет, а мы с чувством полного удовлетворения остаемся совершенно бесплодными. Если встречается препятствие на нашем православном пути – надо только радоваться: впереди борьба, а вместе с ней – и надежда, что мы не зачахнем, не погибнем.

Мы часто впадаем в характерное заблуждение. Нам кажется, "вот если бы мне куда-нибудь уехать, переменить обстановку, – тогда у меня все наладилось бы...", – но смысла в этом, как правило, никакого. Начинать надо прямо здесь, прямо сейчас. Чем это труднее, тем лучше: преодоление трудностей, борьба за веру – этого нам как раз больше всего не хватает.

Но в нашей ситуации есть и положительные возможности, и надо ими пользоваться. Вам наверное известно, что сейчас у нас расширяются контакты с православными в России; мы все больше, все лучше узнаем о том, что там происходит. Возьмите, например, книги о Дмитрия Дудко, или его информационный бюллетень. Есть и на Западе источники сведений о России: "Православный наблюдатель" о. Виктора Потапова, "Кестон Ньюз", "Помощь Русской Церкви", и пр. Старайтесь побольше узнавать о тех, кто страдает за веру в России, и молитесь о них. Знаете ли вы, например, про монахиню Валерию – ее арестовали и заперли в сумасшедший дом за то, что она продавала пояски с вышитым 90-м псалмом "Живый в помощи Вышняго"? Или про румынского священника о. Георгие Кальчиу – его посадили в тюрьму за проповеди? Или про Александра Огородникова – он сидит за кружок христианской беседы? Про Владимира Осипова, русского патриота и издателя нелегальной литературы... Надо начинать молиться о них, о тех, кто страдает за веру.

И не только молиться. У нас есть их тюремные адреса, можно им писать. Пусть даже наши письма не дойдут до адресатов: до тюремного начальства они точно дойдут, и обращение с заключенными, у которых есть "друзья за границей" заметно улучшится. Группа "Православное действие" посылает церковную литературу по почте в обычных конвертах. Можно даже передавать книги. Можно писать о. Димитрию Дудко: письма иногда доходят до него, и он отвечает. Любая помощь пойдет на пользу, каждый может сделать хоть что-нибудь. Мы тут на Западе привыкли к бездействию; настало время очнуться и помочь тем, кому приходится плохо.

И не только им, но и себе. Мы должны многому учиться у верующих России и других коммунистических стран. Не хочу ни в коем случае пугать вас, но нельзя забывать про такую возможность: что сегодня происходит у них, то вскорости, в той или иной форме, будет и у нас. В наши дни антихрист ближе чем когда-либо, и советская действительность – уже не диво, а норма нашего времени. Здесь на Западе мы как в сказочной стране дураков: но раньше или позже – скорее раньше, чем позже, – сказке придет конец.

К этому надо готовиться – не запастись консервы, как некоторые наши наивные сограждане, – а всерьез, с полным православным пониманием происходящего. Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что с вами будет в концлагере, в одиночке, в карцере? Вы попросту сойдете с ума, если ваш разум не готов к такому испытанию, если в нем нет правильного заряда. А чем заряжен ваш разум? Если там только земные, мирские образы и понятия, если ваша жизнь катится день за днем без мысли о Христе, о Церкви, о сути Православия, и вдруг вы попадаете в одиночную камеру – нечем заняться, некуда пойти, ни кино, ничего, только голые стены – вам не выжить.

Об этом есть очень интересная проповедь Рихарда Вурмбранда, румынского пастора-протестанта. Когда мы лишены всех книг, вообще всех внешних

источников информации, мы вынуждены полагаться только на свой внутренний "багаж". Пастор Вурмбранд говорит, что отрывки из Библии, которые он знал наизусть, мало чем помогли ему в тюрьме; не много помощи было и от формального знания христианских истин. Но если у нас в душе, в самом сердце – Христос, мы найдем что делать. Можно не помнить весь церковный календарь, но, вспоминая нашу повседневную жизнь, мы вызовем в память основные события годового богослужебного круга: что сохранится в сердце, с тем мы и останемся. Какие из молитв и песнопений мы сумеем запомнить, те нам и будут в помощь: день за днем нам придется читать и петь одно и то же.

Нужно, чтобы было за кого молиться. Русское рассеяние дает для этого превосходную возможность: мысленно перемещаясь по планете, с материка на материк, из страны в страну, мы можем молиться обо всех, даже не зная их имен – о епископах и игуменьях, о приходах и священниках, и русских, и миссионерских, о монастырях в Святой Земле, о заключенных в России, в Румынии и в других странах под ярмом коммунизма, о миссионерах в Африке, где столько трудностей и бед, об афонских монахах, о православных в Греции, которых преследуют за старый стиль. Чем больше вы о них знаете, тем больше вам будет помощи когда на вас самих накатит беда, тем больше у вас будет друзей в камере одиночного заключения.

У нас, как говорит Андреев, каждый за всех и все за каждого: мы остаемся христианами в мире, где воцарилось безбожие – пусть даже нас и преследуют еще не всюду.

Каждый христианин получает от Бога свой дар – талант, – за который потом нужно перед Ним держать ответ. В Советской России этот дар – страдание за Христа и верность Ему среди гонений. У нас же, в свободном мире, этот дар – сама свобода; она дается нам для исповедания нашей веры и для углубления в нее благодаря доступности и изобилию православных источников. Но мы обязаны при этом, чтобы наша православная вера была истинным христианством, как определил его св. Тихон: Православие сердца, а не одного только ума. Для такой веры требуется время, требуется страдание, терпение, духовный опыт, но более всего требуется наша собственная решимость. Если каждый из нас серьезно и сознательно положит у себя в сердце такую решимость, посреди нас будет то самое возрождение истинного христианства о котором пишет из России о. Димитрий Дудко.

Под конец хочу напомнить вам слова пр. Германа, чью память мы сегодня празднуем, и чья целеустремленность и решимость так хорошо нам известна. Однажды, беседуя с офицерами на военном корабле, он спросил, что они любят больше всего, а затем пристыдил их, заметив, что самая большая любовь подобает одному только Богу. Беседу свою он окончил знаменитыми словами, которые сегодня можно найти на многих его иконах: "Давайте же, от сего дня, от сего часа, от сей минуты, любить Бога превыше всего". Как просто

– и как точно для всех нас. Да укрепит нас в этом Сам Господь, молитвами святого Своего преп. Германа.

Аминь.